

С. Н. Артемов

ЗЕМЕЛЬНЫЕ КОМИТЕТЫ ЮГА РОССИИ В РЕШЕНИИ АГРАРНОГО ВОПРОСА ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКИХ СОБЫТИЙ 1917 ГОДА

Деятельность земельных комитетов в 1917 г. – первой половине 1918 г. имеет непосредственное отношение к изучению аграрных вопросов в России, крестьянского движения первой четверти XX века, привлекает внимание многих отечественных историков. В то же время некоторые аспекты этой темы изучены слабо. В частности, поверхностно затронуты и освещены вопросы деятельности после октябрьских событий 1917 года. На основании изучения архивных источников юга России проанализирована работа земельных комитетов после издания «Декрета о земле», показано стремление крестьян к уничтожению частной собственности, ликвидации хуторского и отрубного землевладения, уравнительному землепользованию.

S. Artyomov

LAND COMMITTEES OF THE RUSSIAN SOUTH IN DECISION OF THE AGRARIAN QUESTION AFTER THE OCTOBER REVOLUTION OF 1917

The activity of the Land Committees in 1917 and the first half of 1918 directly relates to studying of agrarian problems in Russian and the peasant movement of the first quarter of the 20th century. This issue attracts attention of many Russian historians; at the same time many of its aspects are poorly investigated. In particular, questions of the activity after the October Revolution of 1917 have been viewed superficially. Basing on the study of the archival sources of the Russian South, the author of the article analyses the activity of the Land Committees after the publication of the “Land Decree” and shows peasants’ aspiration for abolishment of private property, liquidation of farming land possession and levelling land-use.

Временное правительство, анализируя сложившуюся картину аграрного движения осенью 1917 г. признавало необходимость издания инструкций, регламентирующих деятельность земельных комитетов, и чтобы придать законный характер в деклара-

ции от 25 сентября предписывало, возложить на них упорядочение поземельных отношений, передать все земли сельскохозяйственного назначения для наиболее полного их использования. В октябре был разработан законопроект об урегулирова-

нии земельными комитетами земельных и сельскохозяйственных отношений (которое было практически уже осуществлено «незаконно»¹, и только приход к власти большевиков и падение Временного правительства помешало претворению его в жизнь.

Как видим, принимаемые правительством документы, стремящиеся каким-то образом узаконить деятельность крестьян и соблюсти государственные интересы, не успевали за ходом политической жизни и происходящими процессами в деревне в связи с изменением аграрных отношений, поэтому большевистское руководство, придя к власти, сразу удовлетворило крестьянские требования. По «Декрету о земле» помещичья собственность на землю отменялась без всякого выкупа. Имения помещиков, удельные, монастырские, церковные земли со всем инвентарем переходили в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов. В пятом пункте декрета указывалось, что земли рядовых крестьян и казаков не подлежат конфискации, что было важно для областей Юга России, и тем самым в определенной степени успокаивало основную массу казачества.

Осенью в ходе активной деятельности земельных комитетов, направленной на перераспределение арендного частновладельческого земельного фонда, у крестьян сформировалось твердое убеждение об уравнительном переделе земли, поэтому предложенный «Декрет о земле» подтверждал то, что фактически происходило на местах. В этот период деятельность земельных комитетов не была приостановлена, так как учитывалось то, что они пользовались доверием у сельского населения и выполняли практически те мероприятия, которые декларировались в декрете, в связи с этим большевистское руководство решило использовать крестьянские комитеты при осуществлении конфискации помещичьих имений.

Как только стало известно об октябрьском перевороте, более решительно стали действовать низовые земельные комитеты региона, что заставило областные и губернские власти ужесточить меры по отношению к ним. На состоявшемся 25 октября в Астрахани заседании Городской думы давалась негативная оценка вооруженному выступлению в Петрограде, в своих выступлениях участники призывали Временное правительство вооруженным путем расправиться с большевиками. Астраханская губернская земельная управа настоятельно требовала от уездных земельных комитетов соблюдать спокойствие и добиваться немедленной передачи земли от частновладельцев в свое распоряжение, «но не путем захвата, а последовательной передачи в их ведение»². 29 октября газета «Вольная Кубань» опубликовала приказ, направленный против активной деятельности земельных комитетов. В нем говорилось, что волна анархии и земельных захватов из центра России перебросилась в Кубанскую область: «Ежедневно с мест поступают жалобы о земельных захватах, беспорядках, учиняемых безответственными группами и отдельными лицами»³. Чтобы предотвратить дальнейшее развитие аграрных беспорядков, Войсковое правительство решило образовать альтернативный земельным комитетам орган — Кубанскую областную комиссию по рассмотрению земельных правонарушений из представителей казаков, иногороднего населения, горцев и главного окружного суда. Этой комиссии предоставлялось право в случае необходимости организовывать местные земельные комиссии. Всем гражданам области по вопросам земельных недоразумений предписывалось обращаться только в земельную комиссию — единственный правомочный орган Кубанской области в разрешении земельных недоразумений. Деятельность земельных комитетов в очередной раз запрещалась. В ноябре атаманы станиц Ново-Александровской и Запорожской запретили собрания иногород-

родных, на которых выдвигались требования об организации земельных комитетов. В станице Бескорбной атаман и сбор постановили выселить учителя-иногороднего, а учителям-казакам произвести «внушение» за участие в создании в ноябре крестьянско-казацкого Совета и земельного комитета. В станице Старовеличковской сбор принял решение о лишении земельного пая тех казаков, которые поддерживали Совет и выступали за организацию земельного комитета⁴.

После октябрьских событий, произошедших в стране, в Новороссийске к власти пришли большевики. Они официально объявили Черноморскую губернию самостоятельной республикой. Рассмотрев внимательно карту Черноморской губернии и не найдя на ней земли свободной для раздела, министр земледелия Михайловский пришел к заключению, что ему нечего делать и подал рапорт об отставке⁵. Земельные комитеты в Черноморской губернии за период деятельности Временного правительства так и не были организованы. Крестьянское движение было направлено на вырубку частновладельческих лесов и на понижение арендной платы.

В связи с событиями в Петрограде и прекращением сообщения с центральной государственной властью Войсковое правительство с 25 октября приняло на себя всю полноту исполнительной государственной власти в Донской области. Захват власти большевиками был объявлен преступным и совершенно недопустимым. В ноябре – декабре земельные комитеты продолжали активно вести работу по урегулированию земельных отношений. Члены областного комитета выезжали для улаживания жалоб граждан в поселок Кушацко-Ореховский, Никольско-Покровской волости Донецкого округа. Войсковой атаман войска Донского, докладывая о положении дел в области Объединенному правительству, дал оценку деятельности земельным комитетам: «в большинстве они оказались не на высоте своего назначения, и, не правильно

но понимая круг обязанностей, сами нередко способствовали всякого рода самовольным захватам»⁶. В архивных документах обнаружено более 200 жалоб по аграрным делам, поступивших как от окружных собственников, так и от мелких землевладельцев – крестьян.

Очень трудно было сдерживать крестьянское движение после событий в столичных городах и центральных районах страны. Вследствие большого числа выступлений крестьян и беднейших казаков, дела об аграрных беспорядках рассматривались судебными «установлениями» Кубанской области вне очереди и в сплошном порядке, но и это не приносило положительных результатов. Тогда войсковой атаман А. П. Филимонов в своем предписании атаманам Кавказского и Майкопского отделов по поводу самовольного захвата крестьянами земель крупного землевладельца Миронова потребовал «выдворить из имения захватчиков, задержать главарей движения, не исключая применения оружия»⁷.

Для беднейшей части крестьян и казаков был особенно притягательным лозунг решить земельный вопрос, не ожидая Учредительного собрания. Жители хутора Романовского в количестве 500 человек явились на участок помещика Николенко и самовольно захватили около 2000 десятин целинной земли. Разгневанный помещик писал атаману станицы Казанской Кавказского отдела: «С угрозами говорят, что нам земли мало, а мы начнем самовольно брать скотину, пахать, а также и хлеб брать самоуправно с амбаров»⁸. Казачий гарнизон на хуторе Романовском отказался наводить порядок.

Попытки Кубанского правительства создать земельную комиссию, альтернативную земельным комитетам, с целью погасить выступления крестьян и отодвинуть решение земельного вопроса на более поздний срок, не имели успеха. После того как был опубликован в газетах «Декрет о земле», стали более радикальными требования съездов иногородних. В своих поста-

новлениях съезды теперь не ограничивались только официальным признанием деятельности земельных комитетов, но требовали передачи всех земель в полное их распоряжение без оплаты со всем «живым и мертвым инвентарем».

Главный земельный комитет распространил воззвание, в котором объявил изданный за подписью председателя Совета народных комиссаров В. И. Ульянова (Ленина) «Декрет о земле» незаконным, недействительным. На этом основании он предлагал всем губернским, уездным, волостным земельным комитетам не допускать исполнения этого декрета, так как это может усилить беспорядки, самочинные захваты земли и привести к «совершенной невозможности правильного разрешения земельного вопроса в Учредительном собрании»⁹.

Под влиянием октябрьских событий в Петрограде быстрыми темпами шел рост самосознания трудящихся-горцев. Изменения в сознании крестьянства нашли свое отражение в работе III Терского областного съезда земледельческих депутатов, проходившего в середине декабря 1917 г. Съезд обсудил вопрос о земельных комитетах и о передаче земли в их распоряжение. Неотложность решения вопроса о создании комитетов диктовалась необходимостью немедленного, кардинального решения земельного вопроса в крае. Именно на земельные комитеты возлагал Терский областной съезд обязанности по разрешению земельного вопроса. В резолюции категорически указывалось, что они должны работать в направлении передачи земли в руки трудового народа. Съезд предлагал все сельскохозяйственные земли передать в их ведение. В материалах съезда нет указаний о путях отчуждения помещичьих и частновладельческих земель, но общий дух постановления позволяет заключить, что речь идет о безвозмездной конфискации земель и инвентаря, о передаче их в пользование трудового крестьянства через земельные комитеты. В соответствии с принятой ре-

золюцией, касающейся программы проведения земельной реформы, они должны были работать сообща с Советами земледельческих депутатов.

Земельные комитеты были уполномочены определять и регламентировать формы аренды земли, стоимость арендной платы и выступать в роли непосредственных ее распределителей. Исходя из этого, следует заключить, что съезд не рассматривал «Декрет о земле» и слова из постановления о передаче земли в руки народа надо понимать как передачу для пользования, а не в собственность. Резолюция не давала ответа на вопросы, какая категория крестьян имеет право пользоваться землей, какое количество земли может быть арендовано одними хозяевами и на какой срок, как часто будут переделы земли и т. д. Не менее расплывчатой выглядит предложенная схема выборов. По мнению съезда, их состав должен быть демократическим. Исполнительные органы комитетов должны контролироваться особой комиссией, избираемой из состава самих же комитетов и представителей от Советов земледельческих депутатов¹⁰.

Хотя резолюция носила декларативный характер, следует признать, что съезд выразил требования трудового крестьянства о ликвидации крупного помещичьего землевладения и о наделении крестьян землей, а земельные комитеты рассматривались единственным демократическим органом, способным осуществить эту резолюцию.

Стремление крестьянства к удовлетворению своей земельной нужды в ряде местностей Терской области выразилось в бессистемных формах стихийного движения, которое нередко приводило к столкновениям, недоразумениям, спорам из-за земли. В Нальчике у крестьян произошли недоразумения с крупным землевладельцем Таглановым. Крестьяне запахали арендованную у него землю, а он увеличил в 5 раз арендную плату, когда они отказались платить аренду, в ответ Тагланов устроил фиктивную передачу земли «туземцам», так что

крестьяне захватили свои запаханные земли и никому не отдали¹¹. Анализируя архивные документы, отражающие деятельность земельных комитетов, можно прийти к выводу, что они были организованы почти по всей Терской области, но многие из них бездействовали. В основном они существовали формально. Во главе многих из них находились земельные собственники, которые не хотели решать вопрос о земле в пользу крестьянской бедноты. В редких случаях, когда комитеты возглавляли революционно настроенные крестьяне, они урегулировали арендные отношения и наделяли малоземельных и безземельных крестьян землей. Эти действия жестоко подавлялись.

Условия, складывающиеся в стране, постановления нового правительства придали определенный импульс в решении аграрного вопроса. Конец ноября и весь декабрь характеризовался ростом организованных действий земельных комитетов. 27 ноября Терновский волостной комитет Ставропольского уезда отменил свое постановление от 26 сентября, отобрав у Тарасовой ранее оставленные ей 800 десятин и распределив этот участок. На заседаниях Безопасненского и Тищенского волостных комитетов было решено раздать церковную землю крестьянам¹².

Земельные комитеты и Советы депутатов станиц Крымской, Варенковой, сел Федоровского и Киевского Кубанской области взяли на учет земли крупных помещиков — графа Сумарокова-Эльстон, генералов Кеслера и Карцова, князей Мелиховых. Газета «Кубанский край» сообщала о взятии под охрану имений местными вооруженными жителями. Комитет в юрте станицы Архангельской Кавказского отдела отобрал земельный участок в 920 десятин, принадлежащий казакам станицы Невинномысской, и «распределил ее на мелкие участки без объяснений»¹³.

В Ставропольской губернии местные комитеты отбирали церковную землю у прежних арендаторов и распределяли ее по

«умеренным ценам». Святокрестовский уездный земельный комитет с 4 по 12 ноября разработал инструкцию, включающую общий порядок арендных взаимоотношений. Желавшие взять в аренду землю подавали заявление в местный комитет, который определял количество и возможность сдачи ее в аренду. После этого уездная управа окончательно закрепляла право на аренду. В инструкции предусматривалась передача комитетам образцов контрактов, квитанций о приеме денег и приходно-расходных книг. Документ был разработан в связи с тем, что многие арендаторы не торопились вносить деньги за аренду земли¹⁴. Уездная земельная управа настаивала на необходимости передачи в руки низовым комитетам сбора денег с арендаторов или приема арендной платы в присутствии членов местного земельного комитета, «в противном случае никто не внесет деньги за землю». Ставропольский уездный земельный комитет требовал от волостных комитетов полностью хранить деньги, вырученные от аренды частновладельческих земель, в сельских банках и кредитных товариществах «и без особого разрешения никому их не выдавать»¹⁵.

Изучение вопроса показало, что к началу декабря местные земельные комитеты не только регулировали земельные отношения, назначали арендную плату, но и осуществляли контроль и сбор денег за аренду.

3 ноября в газетах была опубликована «Инструкция эмиссарам, посылаемым в провинцию», в которой предлагалось по прибытии в губернии выяснить были или нет, взяты помещичьи земли на учет, где и в каком количестве, кто распоряжается этими землями — земельные комитеты или помещики. В инструкции предлагалось хорошо налаженные имения передавать в распоряжения земельным комитетам и Советам батрацких депутатов под руководство агрономам¹⁶. Из документа видно, что большевики решили использовать волостные земельные комитеты, которые пользо-

вались доверием крестьянского населения. Саратовский Совет рабочих и солдатских депутатов в приказе «о земле» утверждал, «чтобы не допустить стихийных погромов и хищений народного достояния, во имя неотъемлемых прав крестьянства на всю землю, во имя хлеба для рабочих, измученной голодной армии и прочего населения вся помещичья, монастырская, церковная и удельная земля немедленно должна быть взята на учет в распоряжение крестьянских земельных комитетов»¹⁷. Земельные комитеты обязаны были организовать охрану имений и не допустить их расхищения и погромов. Живой инвентарь имений: лошади, рогатый скот, мелкий скот должен был использоваться для нужд крестьян с разрешения комитетов. Сельскохозяйственный инвентарь подлежал использованию для работ, но по окончании их должен в сохранном виде передаваться на хранение в имение под контроль комитетов.

Самарская земельная управа своими постановлениями и обращениями пыталась внести спокойствие в губернии и призвала опираться в своих действиях местным земельным комитетам на правила пользования землей до Учредительного собрания, выработанные II крестьянским губернским съездом, на основании которых земля у помещиков и крупных земельных собственников взята на учет и распределена между нуждающимися¹⁸.

В отчетах уездных комитетов Астраханской губернской земельной управе сообщалось, что за этот период никаких земельных и водных правонарушений не было. Черноярский уездный земельный комитет 18 ноября, выслушав от представителей волостных комитетов доклады о положении дел и ведении работы по учету земли на местах, констатировал, «серьезных случаев аграрных волнений нет»¹⁹.

Губернские земельные управы, в регионе состоявшие преимущественно из эсеров, стремились действия, направленные к захвату и разграблению имений, свести к передаче под контроль и ведение земель-

ных комитетов. Не признавая власти большевиков, все издаваемые ими постановления и инструкции о конфискации помещичьих имений вырабатывались на основе законов, принятых Временным правительством.

Саратовская губернская земельная управа приняла постановление передать все земли сельскохозяйственного назначения, все имения с живым и мертвым инвентарем в ведение земельных комитетов, для чего всем волостным комитетам предлагалось избрать в каждой волости комитет из 5 человек для учета всех имений. Такие комитеты должны были произвести учет и дать заключение о том, как лучше сохранить и использовать земли и постройки, скот и инвентарь имений. Губернский и уездные земельные комитеты на основании полученных данных должны были разработать общий план использования всех сельскохозяйственных имуществ имений. В результате губернская земельная управа приняла «Инструкцию об образовании комитетов по учету», где определялся порядок избрания и проведения учета имений, а также целый ряд пунктов разъяснял, какие земли могли быть только сданы в аренду нуждающимся крестьянам и какие должны быть временно оставлены за прежним владельцем²⁰. Особенно отмечалось, что крестьяне не должны допускать никаких «самочинных» захватов.

Как видно из происходящих событий, даже без принятия «Декрета о земле» в губернских и уездных земельных комитетах, выступивших против захвата власти большевиками, пришли к мнению о необходимости передачи помещичьих имений в ведение земельных комитетов для их сохранения и предотвращения стихийного крестьянского движения.

Однако нестабильная политическая обстановка в стране не могла не отразиться на увеличении крестьянского движения, которое вылилось в погромы имений, захватов земли и бессистемную вырубку лесов. Так, атаман Александровской станицы жа-

ловался в Царицынский Совет на действия крестьян Захаровки, Дмитриевки и Солодчи, Солодчинской волости, которые в ночь на 7 ноября разграбили экономию арендатора Германа Викторовича Ткаченко, увезли 7000 пудов зернового хлеба, угнали 600 простых овец и 400 племенных, 25 коров, 13 лошадей с упряжью и всю домашнюю птицу²¹.

III сессия Ставропольского губернского земельного комитета проходившая в ноябре не признала правительство большевиков во главе с В.И. Лениным, а его распоряжения посчитала необязательными. В связи с происходящими в Петрограде событиями сессия объявила свои действия автономными и постановила: «при складывающихся обстоятельствах действовать самостоятельно, положив в основу направление той политики, какая была намечена Временным правительством, Министерством земледелия и Главным земельным комитетом»²².

Землевладельцы, больше всего пострадавшие от деятельности земельных комитетов, обращались с жалобами в административное отделение Ставропольского окружного суда с требованиями о пересмотре их действий.

В ноябре – декабре деятельность губернского земельного комитета была подчинена надзору административного суда и губернского комиссара. III сессия одобрила действия губернской земельной управы и местных комитетов, подтвердив правильность принимаемых решений на основании документов принятых II сессией. Жалобы крупных землевладельцев были признаны неосновательными, а введение административного надзора – необоснованным. Однако волостные и большинство уездных земельных комитетов брали на себя больше полномочий, чем предусматривалось в «обязательных постановлениях».

В конце декабря Святокрестовский уездный комиссар сообщал, что «с возвращением с фронта солдат в уезде начались вол-

нения и открытое выражение недоверия установившемуся порядку... земская жизнь постепенно замирает, замечается стремление масс к отобранию недвижимости и особенно земли у зажиточных крестьян»²³. Итак, многие земельные комитеты в своих действиях перестали опираться на обязательные постановления, а решали аграрный вопрос по своему усмотрению.

В итоге работы Астраханской земельной управы за истекший период было заслушано 306 дел, из них решено управою 240, передано на рассмотрение и разрешено волостными комитетами – 43, произведено осмотра на местах – 16, окончено примирением сторон – 7²⁴. Из выше перечисленных фактов видим, что, несмотря на скудное финансирование или его полное отсутствие, постоянное давление со стороны органов власти и в конечном итоге переизбрание многих местных комитетов, они осуществляли деятельность по разрешению аграрных вопросов в селе.

Земельные комитеты Донской области своими действиями пытались внести спокойствие в начавшиеся волнения среди донского крестьянства, и в основном это удалось, хотя и были случаи, как 11 декабря в деревне Кошкино Таганрогского округа, где было разгромлено имение инженера Ремми²⁵. В декабре на съездах и общих собраниях уездных земельных комитетов Ставропольской губернии была отвергнута программа губернского земельного комитета, составленная на основе положения о регулировании земельных отношений, принятых на заседании Временного правительства 21–24 октября. Уездные комитеты в большинстве своем поддерживали «Декрет о земле», принятый 2-м Всероссийским съездом Советов, а также выдвигали свои требования по решению аграрного вопроса и предваряли их в жизнь.

Таким образом, после октябрьского переворота деятельность земельных комитетов в регионе носила смешанный характер. В ноябре – декабре комитеты Ставропольской губернии выполнили большой объем

работы по урегулированию земельных отношений. Осенью они стали занимать более жесткую позицию в отношении крупных землевладельцев, было принято более 120 решений об изъятии земли у 270 землевладельцев. Зимой перестали рассматривать жалобы и прошения об отмене принятых решений. Земельные комитеты пользовались доверием и поддержкой населения, были выразителями их требований, и неудивительно, что на их съездах и общих собраниях не только принимались резолюции по решению аграрных вопросов, но выдвигались и политические требования. Анализ результатов, полученных в ходе исследования архивных документов деятельности земельных комитетов Ставропольской губернии, показывает, что они взяли под контроль свыше 800 тысяч десятин земли и распределили ее среди безземельных и малоземельных крестьян.

В Черноморской губернии в рассматриваемый период так и не были организованы земельные комитеты. Крестьянское движение было направлено на понижение арендной платы и вырубку лесов.

Работа низовых комитетов Терской области не повлияла на существующие аграр-

ные отношения. Попытки активизировать ее III съездом крестьянских (земледельческих) депутатов не принесли результатов.

Активно действовали земельные комитеты на Кубани. Своей деятельностью они противоречили властям, отстаивая принятые постановления. Пользуясь доверием среди крестьянства и беднейшей части казачества, они так и не получили официального разрешения на санкционированную деятельность. Предложенная Кубанским правительством земельная комиссия не получила признания у местного населения.

На Дону земельные комитеты продолжали вести работу по урегулированию земельных отношений, члены областной управы выезжали на места для улаживания недоразумений в связи с жалобами граждан. Активная позиция многих земельных комитетов области вызывала негативную оценку Донского областного правительства.

В Астраханской губернии многие волостные земельные комитеты претерпели существенные изменения, по причине выборов земств. Однако уездные земельные комитеты продолжали осуществлять деятельность и в ноябре — декабре 1917 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ) Ф.1779. Оп. 1. Д. 1016. Л. 20—27об.
- ² ГАРФ. Ф.1796. Оп. 1. Д. 104. Л. 131—131об.
- ³ Вольная Кубань. 1917. 28 октября; 29 октября.
- ⁴ Государственный архив Краснодарского края (ГАСК) ФР. 1259. Оп. 1. Д. 14. Лл. 4, 25, 27, 40.
- ⁵ Терский вестник. 1917. 14 декабря.
- ⁶ Государственный архив Ростовской области (ГАРО) Ф. 864. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.
- ⁷ Борьба за установление Советской власти на Кубани в 1917—1920 годы. Краснодар, 1957. С. 91.
- ⁸ ГАСК. ФР. 13. Оп. 1. Д. 45. Л. 99.
- ⁹ Терский вестник. 8 ноября. 1917.
- ¹⁰ Там же. 30 декабря.
- ¹¹ Там же. 8 ноября.
- ¹² Государственный архив Ставропольского края (ГАСК) ФР. 37. Оп. 1. Д. 24. Л. 46, 140.
- ¹³ ГАСК. ФР. 13. Оп. 1. Д. 45. Л. 45.
- ¹⁴ ГАСК. ФР. 37. Оп. 1. Д. 26. Л. 99.
- ¹⁵ Там же. Д. 24. Л. 242.
- ¹⁶ Правда. 1917. 3 ноября. № 179.
- ¹⁷ Государственный архив Волгоградской области (ГАВО) Ф. 71. Оп. 1. Д. 1. Л. 42.
- ¹⁸ ГАВО. Ф. 198. Оп. 2. Д. 2. Л. 55.

ИСТОРИЯ, СОЦИОЛОГИЯ

---

¹⁹ Государственный архив Астраханской области (ГААО) Ф. 1094. Оп. 1. Д. 51. Л. 71.

²⁰ ГАВО. Ф. 3888. Оп. 1. Д. 4. Л. 9–10.

²¹ ГАВО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 24. Л. 33.

²² Северокавказское слово. 15 декабря. 1917.

²³ ГАСК. Ф. 1867. Оп.1. Д. 4. Л. 288.

²⁴ ГААО. Ф.2102. Оп. 1. Д. 6. Л. 123.

²⁵ Пролетарская революция: Сб. 4. – М.; Л., 1924. – С. 248.